

заставляла его работать день и ночь только для того, чтобы он мог накопить денег и оставить их ей после своей смерти. Ибо она всегда думала, что она на грани разорения, как она думает и теперь, хотя Альбрехт оставил ей состояние ценностью в 6000 гульденов. Но ей ничего не было достаточно, и, в результате, она одна является причиной его смерти. Я сам часто умолял ее изменить ее невеликодушное, преступное поведение, и я предостерегал ее и говорил ей, чем все это кончится, но я ничего не видел за свои труды, кроме неблагодарности. Ибо она была врагом всех, кто был расположен к ее мужу и искал его общества, что, конечно, доставляло много огорчений Альбрехту и свело его в могилу. Я ни разу не видел ее после его смерти и не хотел принимать ее у себя. Хотя я и помогал ей во многих случаях, она мне нисколько не доверяет; кто ей противоречит и не во всем с нею соглашается, тому она тотчас же становится врагом, поэтому мне приятнее быть вдали от нее. Она и ее сестра, конечно, не распущенные, но, несомненно, честные, набожные и в высшей степени богобоязненные женщины; но скорее предпочтешь распущенную женщину, которая держится дружелюбно, такой грызущей, подозрительной и сварливой набожной, с которой не может быть покоя и мира ни днем, ни ночью. Но предоставим это богу, да будет он милосерден и милостив к благочестивому Альбрехту, ибо он жил как набожный и честный человек и так же похристиански и мирно скончался. Боже, окажи нам свою милость, чтобы и мы в свое время мирно последовали за ним.⁶²⁵

Мой любезный господин Черте, господин Гартман фон Лихтенштейн прислал мне два оленьих рога, которые, несомненно, доставлены сюда по Вашей просьбе, хотя, как Вы могли заметить, меня мало занимают подобные вещи. Но когда господин Гартман был здесь и посетил мой дом, он сам предложил мне, что пришлет мне рога, по его словам, гораздо более красивые и крупные, чем мои. Я бы их вставил в оправу и повесил у себя. Но эти рога не так хороши, ибо у меня самого есть более красивые, и это не такие, какие мне бы хотелось иметь и какие здесь встречаются. Тем не менее я прошу Вас поблагодарить господина Гартмана за эти рога и выразить ему мою готовность к услугам. И так как я знаю, что он интересуется такими вещами, я посылаю ему здесь одно лекарство от чумы, которое я сам много раз пробовал и нахожу удивительным. Альбрехт также имел несколько пар рогов, и среди них была одна очень красивая, которую я очень хотел бы иметь, но она [жена] тайком отдала это вместе с другими прекрасными вещами мне назло. Один человек, который находится теперь в Вене, рассказал мне, что он видел там несколько очень красивых. Если бы было возможно получить одну-две красивые пары, никакая цена не была бы для меня слишком высокой. Но я не должен затруднять Вас этим, ибо я Вам достаточно надоел с господином Гартманом.

О страшных событиях с турками⁶²⁶ нет надобности много писать. Ибо я не намерен побуждать наших князей и господ к отпору и сопротивлению им, ибо это кара господня. Поистине, я испытываю большое и искреннее сострадание к бедным раненым и уведенным в плен христианам, какое, по справедливости, один христианин должен испытывать к другому. Я также беспокоился о Вас, ибо я знал, что Вы находитесь в Вене. Боже, обрати все к лучшему. Поистине, это печальные и ужасные события. Горе тем, кто их вызвал или причастен к ним; и эта кара божья за то, что христиане так безжалостно сами губят друг друга и дают повод неверным для их действий. Да будет бог милостив и милосерден к нам и да поступит он по своему милосердию. Ибо я опасюсь, что человеческая помощь окажется слишком медленной, но об этом не следует писать. Но как вели себя наши евангелические ландскнехты, ясно теперь всем. Быть может, это и хорошо, что благодаря этому видно, как сильно лютеровское слово расходится с делом. Ибо, без сомнения, и у Вас, и вокруг Вас есть много благочестивых и достойных людей, которые, слыша, что так сладко говорят о вере и святом евангелии, полагают, что то, что так блестит – чистое золото, но это всего лишь медь. Я признаю, что вначале я также был хорошим лютеранином, как и наш покойный Альбрехт, потому что мы надеялись, что исправлено будет римское мошенничество, как и жульничество монахов и попов, но как посмотришь, дело настолько ухудшилось, что евангелические мошенники заставляют тех мошенников казаться невинными. Я понимаю, что Вам странно слышать это, но если бы Вы были у нас и видели порочную и преступную жизнь, которую открыто

⁶²⁵ Столь резкий отзыв о жене Дюрера, по-видимому, в большей мере был вызван мрачным настроением Пиркгеймера в последние годы жизни, чем истинным положением вещей.

⁶²⁶ В то время турки осаждали Вену. Черте руководил строительством оборонительных сооружений.